

жения знания о ложности мысли. Поскольку качество суждения (утвердительные и отрицательные) имеет определенное онтологическое основание, то утвердительные и отрицательные суждения — равноправные формы отражения действительности. Одни и те же предметы и их признаки могут быть отражены в содержании суждения как в утвердительной, так и в отрицательной форме. Поэтому без изменения смысла утвердительное суждение может быть грамматически преобразовано в отрицательное и наоборот (*Я не уезжаю* = *Я остаюсь*).

2) Автор остановился «на пороге» практической реализации этой теории: теперь необходима массовая обработка эмпирического материала с точки зрения соотношения средств выражения отрицания в естественном языке и в логике. С другой стороны, эмпирический анализ отрицаний с точки зрения языка и логики мышления мог бы пролить дополнительный свет на теорию, постулируемую в рецензируемой монографии. Как показывает опыт анализа отрицаний на стыке языка и логики мышления, естественный язык, репрезентируя логические модусы, для выражения утвердительных суждений часто использует отрицательные средства, а для построения отрицательных суждений избегает отрицательных слов. Естественный язык, обладая богатством и разнообразием форм выражения отрицания и утверждения, использует их по своей «прихоти», иногда одно вместо другого, однако всегда совершенно точно

и однозначно выражая или отрицание, или утверждение, в полном соответствии с правилами каждого логического модуса.

3) Будучи формально-языковым средством, отрицание употребляется для образования слов, выражающих противоположные отношения, которые выступают логической основой антонимии (день *жаркий* — день *нежаркий*). Тем самым открыт путь к исследованию логико-грамматической сущности антонимии: какова конкретная система антонимических отношений в естественном языке на уровне слов, на уровне предложений.

Думается, что рецензируемая монография привлечет внимание лингвистов и логиков. Она не только способствует углублению наших знаний по затронутым в ней вопросам, но и непосредственно подводит лингвистов к необходимости массового исследования средств выражения отрицания в естественном языке с точки зрения соотношения языка и логики мышления.

Кривоносов А. Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Отрицание и его роль в конституировании структуры простого предложения и суждения. — ВЯ, 1982, № 2.
2. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, с. 138—166.

Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Под ред. В. П. Недялкова. — Л.: Наука, 1983, 255 с.

Рецензируемая коллективная монография, подготовленная в секторе теории грамматики и типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР, продолжает серию публикаций, которые принесли ленинградской типологической школе заслуженную известность [1, 2]. Предметом описания на этот раз стали глагольные формы, обозначающие состояние, которое возникает или может возникать как результат предшествующего действия. В лингвистической литературе такие формы, известные под названиями «результатив», «статальный перфект», «статальный пассив», «(морфологический) статив».

Большая часть монографии посвящена соотношению форм и значений результатива, статива, пассива и перфекта в конкретных языках: китайском (С. Е. Яхонтов), пивхском (В. П. Недялков, Г. А. Отанна), монгольском (Г. Дугарова, Н. С. Яхонтова), эскимосском (Н. Б. Вахтин), чукотском (В. П. Недялков, П. И. Пицилпей, В. Г. Рахтилин), арчинском (А. Е. Кибрик), узбекском (Д. М. Насилов), эвенкийском (И. В. Недялков, В. П. Недялков), грузинском (М. В. Мачавариани), гомеров-

ском древнегреческом (И. А. Перельмутер), литературном русском (Ю. П. Князев), литовском (Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков), арабском (В. С. Храковский), индонезийском (Агус Салим, А. К. Оглоблин), немецком (В. П. Недялков), норвежском (В. П. Берков), армянском (Н. А. Козинцева), русских говорах (В. И. Трубинский), финском (А. П. Володин), фула (А. И. Коваль, Б. А. Нялибули). В начале монографии помещены три теоретические главы, в первой из которых В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов) разъясняются исходные термины и понятия, перечисляются подлежащие освещению вопросы и формулируется ряд типологических обобщений. Во второй главе (Ю. С. Маслов) рассматривается место результатива в ряду других категорий общей аспектологии, соотношение результатива с формами перфекта и пассива в синхронии и диахронии. В третьей главе (Г. Г. Сильницкий) предлагается семантический аппарат, позволяющий наглядно представить смысловую структуру таких категорий, как статив, процессив, каузатив, декаузатив и результатив.

Под термином «результатив» авторы

объединяют все глагольные формы со значением состояния, образованные регулярным грамматическим способом от глаголов, обозначающих перфективное действие, способное приводить к такому состоянию, ср. (1а) *Его уволили* — (1б) *Он уволен*, (2а) *Он простудился* — (2б) *Он простужен*. Если в значении формы типа (б) входит указание на то, что состояние вызвано предшествующим действием, такая форма называется «собственно результативом». Но формы, регулярно образованные от глаголов действия, могут обозначать только состояния независимо от того, вызваны они соответствующим действием или нет. Так, из (3а) *Точка расположена на отрезке АВ* не обязательно следует (3б) *Точку расположили на отрезке АВ* или (3в) *Точка расположилась на отрезке АВ*. Такие формы называются «стативами». В ряде языков (китайский, монгольский, чукотский, узбекский) у результативов (в широком смысле) преобладает стативное значение, в некоторых языках доминирует собственно результативное значение (нивхский, эскимосский, арчинский). Есть языки, где собственно результативы и стативы образуются различными способами и характеризуются различной степенью продуктивности.

По семантике результативы дополнительно делятся на два типа. Конкретно-результативное значение имеют формы, обозначающие непосредственно наблюдаемые состояния, которые «...могут быть в принципе описаны без ссылки на соответствующее действие» (с. 24), ср. «привязан» = «на привязи», «расположен» — «находится». Из материалов монографии следует, что между конкретно-результативным и стативным значениями существует положительная корреляция: большинство стативов обозначает наблюдаемые состояния. Но обратная импликация для трех упомянутых выше языков (нивхского, эскимосского, арчинского) оказывается неверной: несмотря на то, что все или большинство результативов в них обозначают наблюдаемые состояния, все они являются собственно результативами.

Общезначимое значение имеют формы, обозначающие непосредственно не наблюдаемые состояния, которые к тому же обязательно содержат ссылку на предшествующее действие: нельзя сказать, что некто «уволен» или некто «украдено», не утверждая в то же время, что его «уволнили» или «украли», т. е. такие результативы являются собственно результативами, а не стативами.

Эти тонко подмеченные различия позволили провести нетривиальную типологическую классификацию языков и сформулировать ряд универсальных импликаций: например, если в языке есть формы с общезначимым значением, то в нем есть и формы с конкретно-результативным значением, но обратное неверно.

Можно, однако, заметить, что несомненную положительную корреляцию между ненаблюдаемостью состояния и обязательностью указания на предшествующее действие вряд ли следовало счи-

тать стопроцентной, вводя ее в определение общезначимого значения. При таком подходе за пределами классификации оказываются такие явные стативы как «принято (об обычаях и т. п.)», «оправдано (о решении)», «скрыт», «убежден» и т. п., обозначающие состояния, которые едва ли можно считать наблюдаемыми.

Результативы классифицируются также по диатезным типам, основные из которых — субъектный, объектный и посессивный. Подлежащее субъектного результатива идентично по семантической роли подлежащему производящего интранзитива: (4а) *Он растерялся* — (4б) *Он растерян*. В таком же соотношении находятся подлежащее объектного результатива и прямое дополнение производящего транзитива: (5а) *Он оставлен* следует из (5б) *Его оставили*, но не из (5в) *Он остался*. Двудиатезный результатив объединяет свойства обоих типов: (6а) *Он одет* — (6б) *Он оделся* или (6в) *Его одели*.

Посессивный результатив — это не что иное, как субъектный результатив, образованный от транзитива. Большой заслугой авторов рецензируемой монографии является не только введение данного понятия в лингвистический обиход, но и выделение ряда специфических особенностей этого типа результатива, с большим постоянством проявляющихся в самых различных языках. Термин «посессивный», как и всякий термин, конечно условен, но он хорошо отражает тот факт, что центральное место среди предикатов, образующих данный тип результатива, занимают предикаты, выражающие посессивные или партитивные отношения между субъектом и объектом результативной конструкции (ср. русск. диалектн. (7) *Он деньги получил*).

Принято считать, что в «канонической» транзитивной ситуации изменяется прежде всего состояние объекта, но не субъекта. Однако не подлежит сомнению, что после совершения действия что-то меняется и для субъекта, и только конкретная прагматика данного речевого акта может определить, состояние какого из партиципантов наиболее существенно. Ясно, например, что в следующем примере речь идет именно о состоянии «быть убитым», а не о состоянии «быть убитым»: (8) *Убив на поединке друга, / Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов, / Томясь в бездействии досуга / Без службы, без жены, без дел, / Ничем заняться не умел.* (А. С. Пушкин, Евгений Онегин). Загадка посессивного результатива как раз и заключается в его отношении малой распространенности и семантической ограниченности его лексической базы. Замечание А. Е. Кибрика (с. 113) о естественности такого положения вещей, несомненно, справедливо, но пока не существует теории, которая предсказывала бы повсеместное отсутствие результативов со значением * «быть убившим», в отличие, например, от форм со значением * «быть надевшим (шляпу)». То, что такая теория должна учитывать прагматический уровень, подтверждается тем, что в самых разных языках ве-

роятность употребления результата возрастет во второстепенных и зависимых предикативных конструкциях. Так, в китайском (с. 73) есть результаты от транзитивов, которые в функции второстепенного сказуемого могут сохранять исходную транзитивную диатезу, хотя их значения («зажечь», «расстелить») нехарактерны для посессивного результата. В нивхском языке результаты употребляются преимущественно в обстоятельственной и атрибутивной, а не в предикативной функции (с. 88—89). Ограничения на образование результатов с транзитивной диатезой, возможно, объясняются противоречием, возникающим между статальным значением результата и тем, что транзитивная диатеза (по крайней мере в пределах главной предикации) типично связана с обозначением активных действий. Смена диатезы при образовании результата от транзитивов это противоречие устраняет.

В книге отмечены имплицативные зависимости между диатезными типами результатов: посессивный результат имплицитно подразумевает наличие субъектного, а субъектный — наличие объектного (с. 17). К первому утверждению исключением является индонезийский язык, где есть морфологический объектный и посессивный результаты (последний, правда, всего у двух глаголов), но нет субъектного (с. 176). Можно заметить, что объектный результат имплицитно подразумевает также наличием адресатного и/или локативного результата. На фоне этих импликаций кажется неожиданным то, что в нивхском языке наиболее частотен в текстах посессивный результат, а в армянском — субъектный; в фула субъектный статив продуктивнее и, видимо, также частотнее в текстах, чем объектный. Интересно, что в двух последних языках форма объектного результата содержит еще и показатель пассива или медиа. В языках, где субъектный результат непродуктивен или отсутствует, посессивный результат также редок или не существует (в такой форме это утверждение справедливо и для индонезийского языка). Обратное часто неверно: при малопродуктивном посессивном результате, субъектный может быть высокопродуктивным (северозападные русские говоры, чукотский, фула).

Очень большое внимание в книге уделяется разграничению результата и смежных категорий, в первую очередь перфекта и пассива. Это вполне естественно, тем более, что, пожалуй, в большинстве привлеченных к сравнению языков особая категория результата впервые выделена именно в данной работе. Позицию авторов можно вкратце резюмировать так: результат указывает на определенное состояние, которое возникло или могло бы возникнуть после завершения некоторого действия; перфект и некоторые формы пассива указывают на определенное действие, которое привело к возникновению некоторого состояния. Кроме того, в книге задается универсальный набор критериев для различения перфекта и результата; в частности, обстоятельство длительности (*весь день, все*

еще и т. п.) типичны при результате, но плохо сочетаются с перфектом, обстоятельства момента при перфекте указывают на время действия, при результате — на время обнаружения состояния (с. 12—13), ср.: (9) *Вчера и сегодня с утра магазин был закрыт (состояние), но я не знаю, когда он был закрыт (действие).*

Представляется, однако, что в книге недостаточно подчеркнуто, что отношения «результатив — перфект» и «объектный результатив — пассив» являются принципиально разноплановыми (об этом говорится лишь вскользь на с. 13). Всякая «спорная» словоформа в конкретном употреблении является результатом в той мере, в которой она не является перфектом, и наоборот (в противном случае эта форма имеет две альтернативные — хотя и очень близкие — интерпретации). Но если некоторая форма имеет пассивную диатезу (т. е. подразумевает существование агенса, который, однако, не может быть выражен подлежащим или вообще не может быть выражен), то она по определению [3, с. 285] является пассивом, независимо от наличия или отсутствия у нее тех или иных аспектуальных значений, в том числе результативного. И наоборот, форма с результативным значением является результатом независимо от того, какую диатезу она имеет. Здесь может быть поставлен совершенно другой вопрос: является ли диатеза данного глагола пассивной (т. е. сохраняющей семантическую валентность на агенса, ср.: *ставит/быть поставленным*) или же декаузативной (т. е. не сохраняющей такой валентности, ср.: *ставит/стоит*). Очевидно, что объектный статив может быть только декаузативом, но не пассивом, тогда как собственно результативы могут иметь как пассивную, так и декаузативную диатезу. Поэтому сама постановка вопроса — «пассив или результатив?» — представляется в ряде случаев некорректной. Не случайно, видимо, что универсального набора критериев для данной оппозиции (в отличие от оппозиции «результатив — перфект») в книге нет, а критерии, выдвигаемые для отдельных языков, дают иногда результаты, с которыми трудно согласиться. Так, Ю. П. Князев, ссылаясь на известное правило о несочетаемости русского пассива с деепричастным оборотом, приходит к выводу, что соответствующие конструкции от эмотивных глаголов нельзя считать пассивами, так как они допускают деепричастия, ср. (10) *она была бы глубоко оскорблена, дождавшись об этом* (с. 156). Но независимо от оценки степени стилистической корректности этого примера, в русском языке встречаются совершенно безупречные сочетания деепричастий с несомненными акциональными пассивами. Ср. (11) *Однажды странствуя среди долины дикой, / Незапно был объят я скорбью великой / И тяжким бременем подавлен и согбен...* (А. С. Пушкин, Сграницник), где наличие акционального наречия *незапно* и агентивных дополнений не оставляют сомнений в синтаксической интерпретации конструкции. Степень семантической близости перфекта и результата, видимо, связана

с типом последнего. Дальше всего от перфекта статив. Общезначительное значение собственно результатов (особенно обозначающих необратимое состояние) ближе к перфекту, чем конкретно-результативное; так, в примере (9) невозможно заменить «закрыт» на «ограблен».

Вряд ли оправдано то, что в монографии (особенно в ее теоретических главах) совершенно обойден вопрос о так называемом «перфектном» (фактически, результативном) употреблении имперфективных глагольных форм (см. [4], [5]). Имперфективные формы некоторых глаголов могут в одном из своих значений обозначать состояние, возникшее в результате действия, обозначаемого перфективными формами тех же глаголов ср. (14а) *туман окутал огород* — (14б) *туман окутывает город*. С одной стороны, формы типа (14б) во многих языках полностью подходят под данное в книге определение результата (с. 8—9). С другой стороны, свойства таких форм существенно отличаются от свойств «настоящих» результатов: в частности, форма, обозначающая состояние, обычно сохраняет исходную транзитивную диатезу, что для «настоящих» результатов крайне нетипично.

В целом разработанный в монографии концептуально-терминологический аппарат и степень единообразия его использования в описании конкретных языков заслуживают самой высокой оценки. Хотя категория результата начала изучаться только в самые последние годы [6; 7], после выхода данной книги результат можно смело причислить к явлениям, которые относительно хорошо и глубоко изучены в сравнительном плане, а это пока можно сказать лишь об очень немногих лингвистических феноменах. Существенно, что в отличие от предыдущих коллективных монографий ленинградских типологов, предметом которых были более «формальные» категории (каузатив, пассив), в рецензируемой книге анализируется явление, требующее учета необычайно сложных и трудноуловимых семантических параметров. В том, что это удалось сделать без всякого снижения требований к степени внутренней непротиворечивости и единообразия описаний, большая заслуга авторского коллектива и редактора книги. Это свидетельствует о том, что сравнительное изучение аспектологических проблем может быть с успехом проведено на материале широкого круга генетически, типологически и ареально разнотипных языков. Замечания, сделанные выше, никоим образом не ставят под сомнение доказательность основных положений работы. Они лишь призваны обратить внимание на некоторые из воп-

росов, заслуживающих дальнейшего обсуждения и изучения.

Несколько слов о мелких погрешностях. Помещение арабского и индонезийского в группу языков, где результатив совпадает с пассивом, представляется ошибочным. В обоих языках формы, выражающие результативное значение, отличаются от форм «чистого» акционального пассива как по составу, так и (частично) по диатезе. Тот факт, что объектный статив (точнее, одна из его форм) в фула малоупотребителен, вряд ли достаточное основание для утверждения того, что в нем статив образуется только от непереходных глаголов. Кроме того, в фула есть и посессивный статив (с. 239). Перечислять отдельные опечатки и неточности в перекрестных ссылках нет необходимости. Они немногочисленны и в целом не затрудняют чтение.

Результатив — одна из тех глагольных категорий, при изучении которых чисто аспектологическая проблематика тесно переплетается с целым рядом интенсивно исследуемых в последнее время категорий синтаксиса и семантики. Поэтому рецензируемая книга представляет интерес для лингвистов самых различных специальностей. Пользование книгой облегчают указатель языков и диалектов, предметный и именной указатели (составленные Ю. П. Князевым).

Козинский И. Ш.

ЛИТЕРАТУРА

1. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Под ред. Холодовича А. А. Л., 1969.
2. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Под ред. Холодовича А. А. Л., 1974.
3. Холодович А. А. Залог. I: Определение. Исчисление. — В кн.: Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 277—292.
4. Rodenbusch E. Prasentia in perfectischer Bedeutung. — Indogermanische Forschungen, 1911, Bd. 28, S. 256.
5. Луценко Н. А. О перфектной функции глагольных форм настоящего (на материале причастий современного русского языка). — ФН, 1983, № 5, с. 73—77.
6. Холодович А. А. Перфект — результатив. — В кн.: Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 138—160.
7. Недялков В. П. Заметки о типологии результата (перфектив, результатив, перфект, пассив). — В кн.: Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1980, с. 143—151.